

ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
№ 2 – 2018

Донецк 2018

УДК 3401.349" 364":321.329:93/.94(051)
ББК Х062.003+Х519 я5
П685

**ПРАВО И ПРАВОСОЗНАНИЕ
В ПЕРИОД ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ
№ 2 – 2018**

Серия ИСТОРИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор - канд. истор. наук, доц. Е.В. Щербинина

Зам. главного редактора – канд. юрид. наук Е.Ю. Краснонос

Ответственный секретарь – Ю.С. Степанова

Члены редколлегии: канд. истор. наук, доцент И.И. Лещенко; канд. юрид. наук Е.А. Матвиенко; канд. истор. наук, доцент Р.Н. Морозов; канд. юрид. наук М.П. Тишаков

*Научный журнал. Выходит один раз в год.
Рекомендовано к печати протоколом заседания кафедры
теории и истории юридического факультета ГОУ ВПО «ДонНУ»
№ 11 от 25.05.2018 г.*

Адрес редакции: к. 225, пр. Ватутина, 1а, г. Донецк, 283050, ДНР
Телефон: 38 (062) 302-09-64
e-mail: julias.stepanova@yandex.ru
kafedratigp7@gmail.com

УДК 3401.349" 364":321.329:93/.94(051)
ББК Х062.003+Х519 я5
П685

© Коллектив авторов, 2018

Содержание

Красноносков Ю.Н. Этнические конфликты и правовые средства их регулирования	5
Красоткина А.Г. Проблема урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта	10
Лебедь А.П. Правовая основа сепаратизма как фактора влияния на образование непризнанных государств	15
Николаева Е.Б. Рассмотрение доказательной базы в международной практике (на примере военных трибуналов)	20
Сухобоченков Е.С. Абхазско-Южноосетинский прецедент, как основа для международно-правового признания Донецкой Народной Республики	26
РЕЗОЛЮЦИЯ	33

УДК 316.483:341.231.12

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Краснонос Юрий Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
зав.кафедрой историографии, источниковедения, археологии
и методики преподавания истории
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
E-mail: ur.kr@yandex.ua

Аннотация: в статье рассматриваются правовые средства противодействия этническим конфликтам, формулируется определение преступных деяний, входящих в совокупность преступлений этнического конфликта.

Ключевые слова: законодательство, этнос, этнический конфликт, преступление.

В современном обществе одним из важнейших фундаментальных принципов демократии является равенство всех людей в части обладания и защиты своих прав и свобод, независимо от расового, национального или религиозного происхождения. Международной правовой основой, определяющей порядок отношения к людям по расовым, национальным или религиозным признакам является Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Международная конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него от 30 ноября 1973 г., Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений от 25 ноября 1981 г., Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 18 декабря 1992 г. и другие международно-правовые документы [1, 125-139].

Суть закреплённого данными актами порядка заключается в обязательстве государств обеспечивать права человека всем лицам «без какого бы то ни было различия, как то, в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства» [2]. Нарушение указанного порядка объявляется преступлением как в международном, так и в отечественном законодательстве.

В мире существует более 190 государств, и лишь около 20 из них этнически однородны, мононациональны, т. е. национальные меньшинства составляют там менее 5% населения. Примерно 40% государств составляют полиэтничные сообщества, где проживает пять и более национальных меньшинств. В то же время на планете Земля насчитывается около 8 тыс. народов, больших и малых (а всего более 2,5 тыс. этносов), и теоретически каждый из них может претендовать на защиту своих культурно-национальных прав, вплоть до обретения независимости. Если этническое возрождение начинает активно инкорпорировать национальную идею, важнейшим элементом которой является ориентация на создание национального государства, то создаются почти идеальные условия для дестабилизации полиэтничных государств и возникновения конфликтов. Таким образом, подавляющее большинство стран могут стать ареной межэтнических конфликтов.

На протяжении второй половины XX века в мире было отмечено более 300 этнических конфликтов, которые периодически переходили в стадию насилия. По оценкам

ООН, внутригосударственные, в том числе и этнические, конфликты унесли больше жизней, чем «классические» войны.

Этнический конфликт является древнейшей формой социальных конфликтов, появившейся задолго до классов, сословий, политических объединений. Согласно мнению В.А. Авксентьева, «...мировая история – это продукт глобальных этнодвигов на поверхности планеты, в рамках которой этносы выступают территориально организованными структурами, в силу чего этнические конфликты приобретают особую остроту, если их объекты имеют территориальный характер или территориальное происхождение (владение территорией, землёй, богатством её недр)» [3, 43].

Этнические конфликты – одна из форм социального противоборства, в рамках которой противодействие, столкновение интересов, позиций, мнений усугубляется этническим происхождением участников взаимодействия. Особо выраженные, агрессивные формы этнические конфликты приобретают в регионах, населенных народами, сложившимися на основе развития разных историко-культурных ландшафтов (Кавказ, Балканы). Яркими примерами таких противоборств могут служить этнические конфликты на территории бывшей Югославии, постсоветском пространстве (Чечня, Нагорный Карабах, Ферганская долина).

С точки зрения психологии девиантного поведения исследователи под этническим конфликтом подразумевают вид юридического конфликта, представляющий собой противоборство двух или более сторон – субъектов права с противоположными потребностями, интересами, ценностями и целями, проходящее по линии этнической общности. Именно понятия «этничность», «этническое» в данном противоборстве становятся определяющими факторами социально-правового размежевания, которое связано с правовыми отношениями и может быть разрешено при помощи юридических средств воздействия.

Этнические конфликты объективно отражают степень различия этносов, субъективной основой которых является этническая идентичность. Этнологи именуют чувство этнической идентичности этнофиллией (гр. *philia* – любовь, дружба), под которой подразумевается «любовь к своему народу», «гордость за свой народ», «патриотизм».

Зарождение теории этничности многие специалисты связывают с появлением работ М. Лацаруса и Г. Штейнталя, которые в рамках популярного в XIX в. течения гумбольдианства активно пропагандировали идеи «народного духа». Под данным термином они подразумевали самосознание индивидов, принадлежащих к определенному народу (в современной этнопсихологии это получило название этнической идентичности). Свое классическое воплощение теория этничности получила в трудах наиболее яркого представителя лингвофилософского ее толкования В. Вундта, занимавшегося проблемой психологии народа. В своих программных работах, «Психология народов» и «Система философии», В. Вундт впервые обосновал области, в которых наиболее ярко проявляется психология народов: язык, мифы и обычаи, определяя их «духовными продуктами развития этноса, в порождении которых проявляются своеобразные психологические законы» [4, 32-33].

Окончательно термины «этничность» и «этническая идентичность» вошли в научный обиход благодаря американским ученым Л. Уорнеру (1940-е гг. XX в) и Д. Рисману (1953 г.). Впоследствии проблема этнической идентичности оказалась в центре активного научного поиска в 70-х годах XX в., что объяснялось политическими реалиями времени, связанными с ростом межэтнической напряженности в условиях глобализации межкультурных контактов. Сегодня категория «этничность» является одной из самых дискуссионных и распространенных в современных исследованиях тем или иным образом касающихся этнической проблематики.

Современные подходы определения важнейших критериев феномена этничности выделяют: 1) наличие разделяемых членами группы представлений об общем территориальном и историческом происхождении; 2) наличие единого языка, общих черт

материальной и духовной культуры; 3) политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет представление о народе; 3) чувство отличительности, т. е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия [5, 210].

Чаще всего, в том числе и на бытовом уровне, этничность проще всего проявляется в универсальной формуле противопоставления: «мы» – «они». В том случае, когда ситуация сравнения носит позитивный или нейтральный характер, этносоциальное взаимодействие приобретает дружественный или толерантный характер. Если же сравнение переходит в противопоставление, а «они» интерпретируются как «чужаки» или «враги», взаимодействие носит негативный характер, а этнические отношения становятся неприязненными.

Обязательным условием возникновения межэтнических конфликтов, по мнению А.Я. Анцупова и А.И. Шпилова, является сочетание трех факторов: 1) уровень этнического самосознания – завышенный, заниженный или адекватный (в последнем случае конфликта не возникает); 2) наличие в обществе «критической» массы проблем, которые оказывают существенное давление на основные аспекты и стороны жизни этноса; 3) наличие политических сил, которые в своей борьбе за власть способны использовать два предыдущих фактора [6, 352].

Ряд отечественных исследователей выделяют иной комплекс проявлений существенных различий, продуцирующих конфликтное взаимодействие этносов: 1) различия в структурной повседневности; 2) различия уровня экономического и культурного развития; 3) неравенство правового статуса в составе многоэтнических государств; 4) различия исторической судьбы и исторической памяти; 6) различия в сфере этнической идеологии; 7) различия в этническом характере и темпераменте; 8) религиозные различия; 9) различие в уровне ксенофобии в этнических сообществах [7, 109-110].

Несомненно, что при определенных обстоятельствах подобные различия и их нарастание могут приводить к дальнейшему обострению отношений между этносами, которые, в свою очередь, порождают возникновение конфликтов. Современная активизация межэтнических взаимодействий не устранила такое явление как этнический конфликт, более того, в современном мире многие межэтнические конфликты превратились в источник глобального напряжения, приобрели затяжной характер, постепенно расширяя границы, вовлекая все новые международные силы.

Уголовное законодательство рассматривает этнические конфликты как совокупность уголовно-правовых деяний с характерными для них особенностями. Объектами этнических конфликтов являются объекты права, либо их часть, то есть те общественные отношения, подпадающие под правовое регулирование. Субъектами этнических конфликтов выступают отдельные представители или группы в составе различных этносов, а в более масштабном виде – два или несколько этносов. Отличительным признаком этнических конфликтов является то, что участвующие в них группы с противоположными интересами различаются именно по этническому признаку. Кроме того, участниками этнических конфликтов могут быть как отдельные люди или группы людей (малые, средние, большие), так и отдельные социальные общности (этнические, национальные, религиозные, политические) или коалиции общностей (государственные, этнические и др.) [8, 322-324].

Правильная уголовно-правовая квалификация действий участников этнических и межэтнических конфликтов обеспечивает возможность определения стратегии противодействия, профилактики подобным преступлениям на ранних стадиях зарождения и эскалации конфликтов. В условиях конфликта его субъекты могут участвовать не в своей привычной роли, изменяя в силу обстоятельств позицию и статус. Уголовное право предусматривает следующие возможные позиции участников конфликта: 1) основные участники (инициатор/зачинщик и оппонент); 2) поддерживающие основных участников;

3) подстрекатели; 4) организаторы; 5) медиаторы (посредники, судьи, эксперты). Среди указанных позиций важным, с точки зрения социальной опасности, является определение правового статуса таких участников конфликтов, как инициатор и провокатор.

Проблема определения правового статуса указанных участников конфликтов в том, что понятия таких участников этнических конфликтов (да и любых других преступных проявлений), как инициатор, провокатор, зачинщик, заказчик, нет в числе определений видов соучастников преступления, закрепленных в ст. 33 УК РФ [9].

Криминологический анализ этнических конфликтов свидетельствует, что большинство из них содержит нарастающее противоречие между этносом и политико-правовой системой общества, вследствие чего значительную роль в зарождении этнического конфликта играют политические и юридические детерминирующие факторы.

Структуру современных этнических конфликтов составляет совокупность преступных деяний, совершенных по этническим мотивам, представляющих повышенную общественную опасность, причиняющих вред личности, обществу и государству, запрещенных уголовным законом, в том числе не всегда однородных или схожих по объекту уголовно-правовой охраны. В связи с этим преступления, совершаемые по мотиву этнической ненависти (вражды, неприязни, нетерпимости и т.д.), включают два четко различимых компонента: 1) действие, составляющее преступление в соответствии с положениями уголовного права; 2) предрассудки или предубеждения, которыми руководствуется злоумышленник, совершая данное преступление [10, с. 76].

Анализируя природу преступлений по этническим мотивам, следует помнить, что они имеют существенный признак, отличающий их от других типов правонарушений. Таким признаком, несомненно, является мотив национальной или религиозной ненависти или вражды, имеющий особую общественную опасность, либо принадлежность к определенной этнической группе. Типология фиксирует то главное, что характеризует специфику определенного типа общественно опасного деяния, раскрывает внутренние, устойчивые связи между существенными признаками и их проявлениями в конкретном правонарушении, осуществляемом по этническому признаку.

Преступления по этническим мотивам, составляющим структуру этнических конфликтов, совершаются во всех странах, в том числе и в тех странах, где не приняты законы о борьбе с преступлениями по мотивам ненависти. Однако чаще всего данный термин («преступления ненависти») описывает само явление, а не юридическое понятие. Законы, касающиеся этой проблемы, значительно различаются в разных государствах. Имеющиеся данные убедительно свидетельствуют о том, что преступления по мотивам ненависти имеют место, в большей или меньшей степени, во всех странах.

Мотив национальной и религиозной ненависти или вражды как отличительный признак этнических правонарушений выделен и осмыслен законодателем и в российском уголовном законе. Среди обстоятельств, отягчающих наказание, п. «е» ч. 1. ст. 63 УК РФ предусматривает совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды. Квалифицирующие признаки, связанные с этим мотивом, закреплены в таких составах преступлений, объектами которых являются жизнь и здоровье, интересы семьи и несовершеннолетних, общественная безопасность, здоровье населения и общественная нравственность, государственная власть. Изменения, внесенные в уголовный закон 6 июля 2007 г., дополнили ч.2 ст. 105 УК РФ пунктом «е» следующего содержания: «по мотиву кровной мести». Тем самым законодатель разделил мотив «кровной мести» и мотив «политической, идеологической, расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды либо мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», предусмотрев ответственности за данные действия в п. «л» ч.2 ст. 105 УК РФ [11].

В отечественной правовой литературе продолжается дискуссия относительно корректности и целесообразности выделения этнической преступности как отдельного вида правонарушений, анализа уголовно-правовой характеристики субъектов этнических конфликтов, объектов уголовно-правовой охраны от преступного посягательства в ходе

эскалации этнических конфликтов, мотивационно-психологической составляющей поведения субъектов совершения преступлений в ходе этнических и межэтнических конфликтов [12]. Вместе с тем, имеющиеся методологические разработки по вопросам исследования правовых средств регулирования этнических конфликтов, этнической преступности приобретают особую актуальность и научную значимость в условиях угрозы этнического противостояния, усиления проявлений экстремизма и терроризма в мире, на территории постсоветского пространства.

Список источников

1. Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М.: Юридическая литература, 1990. - С. 125 -139
2. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года — United Nations, Treaty Series, vol. 999, p. 171 and vol. 1057, p. 407.
3. Авксеньев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. - 1996. - № 12. – С.39-44.
4. Вундт В. Психология народов. - М.: «ЭКМО», Спб: «TERRA FANTASTICA» - 2002. - 861 с.
5. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. - М., 1999. – 271 с.
6. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учеб. для вузов. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2007. – 591 с.
7. Гуськов А.Я., Алексеев С.В., Говядкин И.Е. Конфликтология. Учеб. пособие для бакалавров. – М.: Проспект, 2013. – 176 с.
8. Клейменов М.П. Криминология: учебник. – М.: Норма, 2008. – 450 с.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации. Официальный текст по состоянию на 1 апреля 2017 года. – М., 2000. - 120 с.
10. Карапетян Л.М. Государственно-национальные конфликты и политико-правовые основы их разрешения // Социально-политический журнал. – 1996. – № 6. – С.72-86.
11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: Закон РФ от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ // Российская газета. – 1 августа 2007 г.
12. Межрегиональная Online-научная конференция «Этнотерроризм: проявления в современном российском обществе» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://info-pravo.com/forum/>

УДК 327.56(479.243)

ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИТА

Красоткина Алина Германовна

ГОУ ВПО «Донецкий Национальный Университет»,
alina.krasotkina@gmail.com

Аннотация: военный конфликт на территории Нагорно-Карабахской республики длится уже 30 лет, то обостряясь, то затухая. Статус государства остается непризнанным, поэтому вопрос урегулирования конфликта остается актуальным.

Ключевые слова: Нагорный Карабах; конфликт; военное противостояние; урегулирование конфликта; непризнанные государства на постсоветском пространстве.

Нагорный Карабах уже практически 30 лет волнует всю мировую общественность, так как, несмотря на то, что официально конфликт в данном регионе уже вроде бы завершен и данное завершение подкреплено длительным перемирием, заверенным многими государствами, время от времени здесь все-таки продолжают фиксироваться столкновения на линии соприкосновения между конфликтующими сторонами.

Нагорно-Карабахский конфликт – это, прежде всего, столкновение двух цивилизаций: исламской и православной, в стратегически важном регионе, где постоянно возникают споры на различной почве: религиозной, политической, ресурсной и так далее. Однако, важно отметить, что данная ситуация волнует не только ближайшие страны, то есть Российскую Федерацию, Армению, Азербайджан, Грузию, Турцию и Иран, но и другие значимые государства и организации, такие как, например, США, ЕС, ОБСЕ, НАТО, ООН и Совет Европы.

Говоря о внешней политике заинтересованных в урегулировании карабахского конфликта государств, следует уделить особое внимание следующим странам, а именно: Турции, Российской Федерации, Ирану и США.

Итак, Турция в данном конфликте поддерживала Республику Азербайджан основываясь на этнической, религиозной, языковой и идеологической близости, ведь оба государства потомки тюркских племен, а значит оба преследуют идеологию пантюркизма. Своей сперва скромной, но весьма ощутимой, поддержкой, Турция стремилась доказать Азербайджану, что они готовы поддерживать своих "братьев" не только словом, но и конкретными делами. А основную помощь данное государство начало осуществлять, начиная с 1992 года включительно.

Во-первых, Турция стала одним из первых государств, официально признавших независимость Азербайджана, одновременно выразив при этом свою готовность стать посредником Баку в карабахском конфликте.

Во-вторых, большую роль в развитии турецкой дипломатики по вопросу Нагорного Карабаха сыграл 1992 год, когда Турция заявила о своей готовности позитивно повлиять на процесс разрешения конфликта, но при условии, что обе стороны будут доверять ей.

При этом, именно с 1992 года Турция начинает оказывать всестороннюю, в том числе и военную, помощь Азербайджану. Так, уже к 1993 году Анкара направила около 5000 человек для участия в военных действиях в Карабахе на стороне Азербайджана, в числе которых было и около 150 высокопоставленных турецких офицеров [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что Турция – это одно из наиболее заинтересованных государств в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. Проявление ее внешней политики варьировалось от негласной поддержки Азербайджана и ведения переговоров с Арменией и до предоставления Азербайджану вооружения, бронетехники и квалифицированных военных кадров. Причем интерес Турции был основан в основном на интересе на данном регионе в целом, так как именно через Закавказский Регион она могла бы распространять свою пантюркистскую идеологию.

Что касается Российской Федерации, то в данной войне она оказалась как бы между двух огней: с одной стороны – Армения, с которой был заключен договор о взаимопомощи в случае военной агрессии, а с другой – Азербайджан, которому годами поставлялись танки и вооружение. Но, так как Нагорно-Карабахская республика объявила свою автономию, Россия могла держать условный нейтралитет в данной ситуации пока военные действия шли только сугубо на данной территории [19].

Тем самым, можно сделать вывод, что Россия — это единственное государство, которое действительно искренне заинтересованно в мирном разрешении конфликта. Несмотря на свою официальную позицию нейтралитета, государство стремилось осуществлять гуманитарную помощь обеим сторонам конфликта. К слову, во время некоторых подобных гуманитарных акций Российская Федерация также понесла потери, к примеру:

1. 20 сентября 1991 года произошла катастрофа МИ-8 около села Каракенд. Вертолет, на борту которого находились миротворцы с гуманитарной помощью мирному населению, был по ошибке сбит армянскими вооруженными силами. На борту, кроме совместной миротворческой миссии России и Казахстана, находились также высшие правительственные чиновники Азербайджана.

2. 3 марта 1992 года азербайджанским вертолетом Ми-8 был подбит гуманитарный вертолет Ми-26 около села Гюлистан. На борту вертолета находилось 50 человек, преимущественно женщины и дети. Всего погибло 16 человек.

3. 12 мая 1992 года был подбит еще один вертолет Ми-26, причем и по сей день виновные в данной катастрофе не найдены.

Но, несмотря на существенные потери, данное государство остается верным одному единственному сценарию решения конфликта, а именно мирному. Ведь тот факт, что оба конфликтующие государства – это в той или иной степени союзники или исторические приятели России – никак нельзя отрицать.

Китай, как одна из восточных Великих держав, также абсолютно не заинтересован в эскалации военного конфликта в регионе как минимум потому, что через данный регион может быть проложен проект нового «Шелкового пути», то есть торгового пути альтернативному российскому направлению. Именно в этом направлении КНР проводит свою внешнюю политику по отношению к Нагорному Карабаху акцентируя свое внимания на непосредственно мирном сценарии разрешения конфликта [13].

Однако, учитывая экономические выгоды Китая от обеих стран и мира в регионе в целом, Китай своей внешней политикой по данному конфликту изначально напоминал маятник, склоняясь то к поддержке одной, то другой стороны. Сегодня, Китай принял позицию схожую на позицию России, то есть позиция некоего нейтралитета. Пекину совершенно невыгодна эскалация конфликта, поэтому сегодня его можно отнести к числу самых заинтересованных в мирном урегулировании стран, причем для этого Китайская Народная Республика готова даже внести на рассмотрение ООН признание Нагорного Карабаха независимой республикой, как поступили уже 7 американских штатов, парламент страны басков, австралийский Новый Южный Уэльс, Армения, Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье.

Свои особенные, даже глобальные, интересы в карабахском конфликте имеет также и США. Причем связано это не только со стратегическим значением региона, но и с предубеждением государства в том, что данный конфликт может перейти в мировой, а конфликтующие государства могут начать распространять терроризм. Преследуя данные предубеждения, США проводит такую внешнюю политику, которая, по их мнению, должна не только привести к окончательной деэскалации конфликта, но и реализует их глобальные интересы.

Следует помнить, что первые годы конфликта пришлись на последние годы Холодной войны, следовательно, это объясняет активную роль США в конфликте. Однако, именно данный конфликт является фактически единственным примером

успешного взаимодействия между США и Россией после ее окончания. Вашингтон имел несколько групп интересов между которыми он успешно балансировал в течении всего конфликта. С одной стороны, США были настроены на поддержку Азербайджана, согласно вопросам энергетической безопасности, а с другой стороны, позиция США в те годы была схожа с позицией Армении, ведь армянское лобби рассматривало начало Нагорно-Карабахского движения именно как естественную реакцию на национальную дискриминационную политику Советского Союза. Но даже не смотря на достаточно большую армянскую диаспору, проживающую в Америке, для Вашингтона больший вес все-таки имеет нефть Азербайджана, поэтому на сторону Армении США, возможно, никогда не встанет, так как социальный фактор во внешней политике данного государства, стоит гораздо ниже энергетического и экономического факторов. [17].

В целом, если тщательно анализировать интересы США и проводимую ими внешнюю политику по вопросу урегулирования данного конфликта, можно сделать вывод, что, не смотря на сотрудничество США и России в процессе урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, одной из главных целей Америки все-таки был рост ее мирового геополитического значения, за счет снижения русского влияния над регионом.

Сегодня, на счет эскалации конфликта у США разнятся позиции, с одной стороны, штатам выгодно переместить упор Российской Федерации с Сирийского конфликта на Карабахский, и, таким образом, путем нехитрых махинаций со взаимоотношениями в регионе, максимально снизить влияние России в Закавказье. В целом, однако Вашингтон эскалации конфликта побаивается, так как в таком случае Россия окажется еще более вовлечена в происходящие события в регионе и нет никаких гарантий, что Азербайджан согласится стать антироссийским плацдармом [14].

Кроме того, в урегулировании конфликта были заинтересованы не только отдельные государства, представленные ранее, но и различные международные организации, такие как, например, ОБСЕ, ООН, ЕС и Совет Европы.

Так к концу 1994 года, на саммите ОБСЕ, было учреждено со-представительство Минской группы, а также был подтвержден Карабахский миротворческий мандат. Именно Минская Группа ОБСЕ, является ключевой организацией, созданной для обеспечения мира и порядка в регионе, а также для поддержания постоянного Бишкекского мира. Они неоднократно, на протяжении уже более 20 лет призывают стороны прекратить военные действия и сохранять стабильный мир на линии разграничения [8].

Одним из самых главных достижений организации в вопросе урегулирования конфликта является принятие в 2007 году «мадридских принципов», которые легли базисной основой для мирного урегулирования конфликта. Также, представители МГ ОБСЕ неоднократно лично посещают зону конфликта для того, чтобы реально оценить ситуацию, происходящую в регионе [1].

Что касается Организации Объединенных Наций, то здесь можно откровенно заявить, что особо активных действий на пути к урегулированию конфликта предпринято не было. Члены СБ ООН во время первой эскалации военных действий приняли несколько резолюций по данному вопросу, однако не особо следили за их выполнением. Всего было принято 4 резолюции (№ 822, 853, 874, 884), которые, по сути, снимали ответственность за решение конфликта с организации и перекладывали ее на непосредственно участников конфликта, а также призывали к выводу войск с контролируемых территорий, к прекращению военных действий и прекращению блокады [15].

Работу по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе ООН начала после обращения Азербайджана в марте 1992. Государство просило остановить влияние Армении на жителей Карабаха, обосновывая свою просьбу тем, что, по их мнению, именно чрезмерное влияние со стороны Еревана усугубляет весь конфликт в регионе.

В тот же год делегация от ООН посетила Нагорный Карабах и уведомила об этом Генерального Секретаря, однако особой реакции от Совета Безопасности Организации Объединенных Наций не последовало, было сделано лишь заявление, что организация обеспокоена в связи с ухудшением ситуации в Нагорном Карабахе и призывает к прекращению насилия и выполнению Устава ООН [24].

Сегодня НКР так и не приобрела признания со стороны государств-членов ООН, а, следовательно, так и не стала участницей данной организации, что значительно усложняет вопрос урегулирования конфликта, так как позиции Армении и Азербайджана разнятся, а позиция Карабаха не учитывается.

Еще одной организацией, заинтересованной в мирном урегулировании Карабахского конфликта, был Европейский Союз, а точнее особое образование ЕПС (Европейская политика соседства). Они выступали как в качестве посредников, так и миротворцев, тем самым проявляя свою искреннюю заинтересованность именно в мире в регионе, а не войне.

Собственно, для Европейского Союза наибольший интерес составлял не конкретно Нагорный Карабах, а регион, где он расположен, то есть Южный Кавказ, так как Запад давно стремится превратить его в транспортный узел, который мог бы связывать Запад, Восток, Север и Юг.

Свою роль как посредника в урегулировании конфликта ЕС начинает играть лишь с 2003 года, назначая специального представителя в регионе, а, уже с 2006 года, Европейский Союз начинает выдвигать План действий по мирному урегулированию ситуации в регионе Южного Кавказа, в целях развития региона в рамках Европейской Политики Соседства.

Еще одной организацией, заинтересованной в урегулировании этнополитического конфликта в Нагорном Карабахе является Совет Европы, главной целью которого является содействие государствам-участникам организации, в различных областях, таких как права человека, демократическое развитие, культурное взаимодействие и так далее. Совет является также одним из заинтересованных в разрешении конфликта государств, так как и Армения и Азербайджан являются членами данной организации.

Совет Европы, поддерживая мирный сценарий разрешения конфликта, следует своим интересам в рамках программы «Восточного партнерства» со странами Южно-Кавказского региона, при этом учитывая не только историческую территориальную целостность государств, но и право народов, населяющий данный регион, на самоопределение.

И, несмотря на то, что Совет Европы начал вести политику в отношении Нагорного Карабаха только в XXI веке, основной вес данная организация стала иметь только с 2005 года, когда впервые приняла резолюцию по данному конфликту. Сегодня ПАСЕ в основном подталкивает стороны к переговорам и самостоятельному решению конфликта на основе обоюдного согласия [12].

Следовательно, исходя из всего вышесказанного, можно подвести итог, что работа по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе ведется уже на протяжении более 25 лет, причем, во многом, ее нельзя назвать безрезультатной, так как, по крайней мере, активные военные действия в регионе все-таки были завершены. Однако комплексного результата достичь все никак не удастся и, возможно, для его достижения вышеуказанным организациям и государствам придется или объединить свои усилия или пойти на уступки Нагорно-Карабахской Республике.

Список источников

1. Карен Бекарян. *Европейские инициативы в карабахском конфликте* [Электронный ресурс] / К. Бекарян // AMES – центр исследования Ближнего Востока. –

2011. – 16 декабря. – Ереван: AMES, 2011 – Режим доступа: <http://uames.org.ua/php/art.php?id=76>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Гянджуман, В. *Геополитические интересы региональных и внерегиональных держав в урегулировании Карабахского конфликта (Часть I)* [Электронный ресурс] / В. Гянджуман // Аналитика и дипломатия. – 2013. – 27 декабря. – Ереван: Аналитика и дипломатия. [diplomat.am](http://www.diplomat.am), 2013 – Режим доступа: <http://www.diplomat.am/load/public/5-1-0-349>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Swietochowski, T. *Russia and Azerbaijan: A Borderland in Transition.* / T. Swietochowski. – Columbia: Columbia University Press, 1995
4. Гаджиев К. С. «Большая игра» на Кавказе. *Вчера, сегодня, завтра* / С. К. Гаджиев- М.: Междунар. отношения, 2010. - 344 с
5. А. Джалилов [и др.]. *БИШКЕКСКИЙ ПРОТОКОЛ.* [Электронный ресурс] / Джалилов А. [и др.] // Личный сайт Владимира Казимилова. – 1994. – 2 мая. – Бишкек: Личный сайт Владимира Казимилова, документ № 9, 1994 – Режим доступа: <http://vn.kazimirov.ru/doc9.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
6. *Совет Европы выразит свою позицию по поводу апрельской войны в Карабахе* [Электронный ресурс] // Новости Армении. – 2016. – 22 ноября – Ереван: newsarmenia.am, 2016 – Режим доступа: http://newsarmenia.am/news/nagorno_karabakh/sovet-evropy-vyrazit-svoyu-pozitsiyu-povodu-aprelskoy-voyny-v-karabakhe-gazeta/, свободный. – Загл. с экрана.
7. Микаелян, А. *Великий шелковый путь и армяно-китайские отношения.* [Электронный ресурс] А. Микаелян // ANALITIKAUUA.NET. – 2014. – 7 июня. – Ереван: Ноян Тапан, 2014 – Режим доступа: <http://analitikaua.net/2014/velikiy-shelkovyiy-put-i-armyano-kitayskie-otnosheniya/>, свободный. – Загл. с экрана.
8. Лизан, И. *К обострению карабахского конфликта. Задачи США в Закавказье: пустить кровь, рассорить Россию и Турцию.* [Электронный ресурс] / И. Лизан // "Однако. Евразия". – 2015. – 15 Январь. – Донецк: Однако, 2015 – Режим доступа: <http://www.odnako.org/blogs/k-obostreniyu-karabahskogo-konflikta-zadachi-ssha-v-zakavkaze-pustit-krov-rassorit-rossiyu-i-turciyu/>, свободный. – Загл. с экрана.
9. *Сайт Организации Объединенных наций: Работа Совета Безопасности в поддержку усилий, предпринимаемых региональными организациями в целях мирного разрешения споров.* [Электронный ресурс] / Нью-Йорк: ООН, 1991 г. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/sc/repertoire/93-95/93-95_12.pdf, свободный. – Загл. с экрана.
10. Маркедонов, С. *Нагорно-карабахский конфликт: на перекрестке внешнеполитических интересов.* [Электронный ресурс] / С. Маркедонов // Российский совет по международным делам. – 2017. – 17 января. – Москва: РСМД, 2017 – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nagorno-karabakhskiy-konflikt-na-perekrestke-vneshnepolitich/?sphrase_id=72426, свободный. – Загл. с экрана.

УДК 341:323.173::325.8

ПРАВОВАЯ ОСНОВА СЕПАРАТИЗМА КАК ФАКТОРА ВЛИЯНИЯ НА ОБРАЗОВАНИЕ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Лебедь Анастасия Петровна

«Международные отношения и внешняя политика»,
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

E-mail: lebednastyas84@gmail.com

Аннотация: в данной статье даётся подробное рассмотрение феномена образования непризнанных государств при влиянии фактора национального стремления к обособлению, а также выделение его особенностей; посредством детального и глубокого анализа поставленной проблемы, выясняются основные тенденции проявления феномена сепаратизма в современном мире.

Ключевые слова: правовая основа, сепаратизм, непризнанные государства.

Международные отношения – это нестабильный процесс, постоянно находящийся в динамике, претерпевающий изменения и обновления. На современном этапе все мировые политические процессы характеризуются множеством феноменов и явлений, неукоснительно влияющих на мироустройство, постоянно меняющих его. В частности, большое значение в этой сфере играет фактор народного стремления к обособлению. Без преуменьшения, именно это явление является одним из наиболее дискуссионных, не дающих покоя величайшим умам человечества.

Необходимо сказать, что спорным является и само определение понятия, как таковое. К примеру, понятие национально-освободительных движений или родственное ему понятие народного стремления к обособлению сейчас отождествляется с феноменом сепаратизма. Дать точный ответ на вопрос чем же отличаются эти понятия между собой крайне сложно, т.к. чаще всего точки зрения, с которых ведётся сравнительный анализ, руководствуются степенью и направлением политизированности. В связи с этим, часто понятие национально-освободительных движений ассоциируется как прогрессивное и положительное явление, имеющее широкую поддержку среди народных масс. В свою очередь сепаратизм, в большинстве случаев, понимается как негативное, деструктурирующее явление, имеющее незначительную поддержку населения. Но, объективно сравнивая данные понятия, можно сказать, что, в целом, они тождественны друг другу [1].

Важность самого феномена народного стремления к обособлению нельзя преуменьшать, т.к. в современных международных отношениях не сбавляет темпов тенденция образования непризнанных государств на постсоветском пространстве, где во многих частных случаях не последнюю роль сыграли национально-освободительные движения.

Вопрос формирования новых государств с древности являлся актуальным и, согласно нынешнему положению на международной арене, будет оставаться таковым ещё не малое время. Выбор данной темы для научного исследования в рамках студенческой курсовой работы не случаен. Он обоснован событиями, характеризующимися получением независимости и частичным признанием новых государств – Южной Осетии и Абхазии. Более поздним прецедентом в данной области исследования является процесс отделения ДНР и ЛНР от Украины. Все эти случаи имеют свои особенности и характеристики, а также уникальные движущие силы и факторы, которые сыграли ключевую роль в образовании новых непризнанных государств [2].

Единого и общего определения понятия народного стремления к обособлению, или, проще говоря, сепаратизма, не существует. В данном контексте необходимо заметить, что часто сепаратизм трактуется в векторе принципа самоопределения, согласно которому каждая этническая общность имеет право на собственное государственное

формирование. Но, рассматривая эту проблему подробнее, очевидным становится тот факт, что подобная трактовка не находит отображения ни в международно-правовых документах, ни в национальных законодательствах. Даже сама правовая теория исключает подобную трактовку рассматриваемого понятия.

Углубляясь в область международно-правовых документов, можно сказать, что согласно им, право народов на самоопределение трактуется как признание и поддержание уже существующей системы государств, где именно территориальные сообщества, а не этнические группы, имеют право определять систему управления, согласно всем демократическим положениям, которая не будет нести в себе угрозу остальному населению. Согласно данному положению, право этнических групп заключается, прежде всего, в том, что они могут иметь расширенные права и возможности участия в общественно-политическом процессе. Отсюда, народное стремление к обособлению в этническом варианте – это разрушение или реформирование существующей системы, имеющее под собой конечную цель в виде предоставления государственности определённой этнической и культурной группе.

В рамках данной научной работы стоит рассмотреть ещё такой аспект, что определение «сепаратизма» или «национально-освободительных движений» обычно входит в более широкое понятие, такое как «территориальный конфликт». В данном случае признаками конфликта на сепаратистской основе можно рассматривать столкновение противоборствующих сторон, имеющих разные интересы, цели. Обычно, различают социальный и территориальный конфликты. Первый обуславливается наличием противоречий в материальной, духовной, социально-политической реальностях, в то время как второй характеризуется наличием конфликта в областях территориальных распределений, культурно-языковых особенностей. Отсюда следует, что различия в социально-политическом, материальном положениях, конфессиональные и культурные противоречия неукоснительно ведут к развитию народного стремления к обособлению, желанию выделить определённое территориальное пространство из существующего государства [1].

Основой любых сепаратистских процессов является кризис государственной идентичности. Данное явление характеризуется потерей консолидированной идентичности некоторых частей государственного образования, увеличение влияния националистических объединений. Причиной этому обычно является изменение политической, религиозной или культурной самоидентификации у некоторых частей населения страны. Достаточно часто такие процессы происходили в крупных многонациональных государствах, например, в империях. Ведь именно согласно изложенным выше характеристикам, учёными была выведена закономерность или, так называемая, парадигма «распада империй». Говоря современным языком, этот процесс называется дезинтеграцией.

Анализируя вышесказанное, понятие народного стремления к обособлению можно охарактеризовать как процесс возникновения определённых политических движений, направленных на сепаратизм или ирредентизм, спровоцированных дезинтеграционными процессами на политической, культурной, конфессиональной, этнической и других основах.

Но, нельзя не сказать о том, что сепаратизм – это высшая степень дезинтеграции, приводящая к отделению определённых территорий. В это же понятие также можно включить определения регионализма и автономизма.

Регионализм – это такая стадия дезинтеграции, в рамках которой региональные или этно-культурные группы, неудовлетворённые своим существующим положением в рамках государства, требуют реформ или поправок к существующему государственному устройству, чтобы добиться признания культурной самобытности района, или большей самостоятельности в экономической сфере.

Автономизм – это народное движение за предоставление определённым территориям автономии. Это понятие подразумевает право на самоуправление какой-либо территориальной части государства, но с подчинением общегосударственному закону – Конституции. От регионализма автономизм отличается более широким спектром требований различных свобод (к примеру, экономических, территориальных, культурных, политических и т.д.). И в отличие от сепаратизма, автономизм не имеет под собой конечную цель в виде отделения от территории целостного существующего государства.

Подробно рассмотрев тему сепаратизма необходимо перейти к широкому изучению такого понятия и явления как «непризнанное государство». Определение данного понятия достаточно затруднено в силу многогранности самого феномена, а также наличия целого ряда признаков, присущих в равной мере и непризнанным, и вполне полноценным государствам.

Непризнанные государства – это термин, которым называют регионы, самостоятельно провозгласившие суверенитет. При этом данные страны не признаны или признаны частично с точки зрения дипломатии. В свою очередь самопровозглашенные государства в большинстве случаев обладают всеми признаками отдельной страны. К ним относятся: официальное название, флаг, гимн, символика, население, органы управления, армия (чаще вооруженные силы), законодательство.

Но, не смотря на это, члены ООН такие государства не считают отдельными странами и рассматривают их как суверенные регионы, находящиеся под контролем одного или нескольких государств, входящих в состав ООН [3, 65-73].

Сегодня одним из основных, традиционным актором в системе международных отношений и мировой политики является государство. Именно государства задают тон, диктуют правила игры. Однако мир изменяется и это вызвано большим количеством не типичных акторов политики (ТНК, ТНБ, религиозные и этнические движения) которые трансформируют международную систему. Наряду с ними так же появляются такие новые государственные образования, которые носят статус непризнанных государств. Что обуславливает их появление? Каково их настоящее и будущее? Каков прогноз их развития?

Термин «непризнанные государства», активно используется где-то с начала 90-х годов XX века. Однако, одним из первых резонансных проявлений этого феномена, стала Турецкая Республика Северного Кипра, самопровозглашённая в 1983 году и признанная на данный момент лишь Турцией [4, 76-77].

Сегодня на политической карте мира существует около 30 непризнанных государств, возникших на территориях различных стран.

Существует множество, как причин, так и различных мнений, откуда же все-таки появились и как могли образоваться самопровозглашенные страны. Военные действия, вооруженные конфликты, революции, национально-освободительные войны стали причиной отделения некоторых регионов и объявления ими своего суверенитета.

Совсем недавно появилось множество непризнанных стран, причиной образования которых стало отделение от метрополий, государства, которым раньше принадлежала территория эксплуатируемой страны. В первую очередь, это касается колоний, большинство из которых находится на африканском континенте, но не всегда данный процесс влёт за собой благоприятный исход: большинство государств получили как суверенитет, так и дипломатическое признание, но некоторые так и остались непризнанными [5, 316-318].

Внешнеэкономические и внешнеполитические манипуляции разных стран – еще один вариант возникновения таких государств. Так, акторы мировой политики создавали "марионеточные государства" – это был эффективный прием создания нейтральной зоны между враждующими государствами, которая, в свою очередь, ограждала от вражеских армий. Также эти зоны еще называли "санитарными коридорами".

Кроме того, важно заметить, что существует метод под названием "сателлиты" - отличный способ для лоббирования государства. На конкретной территории формируется формально независимое государство, при этом оно марионеточное и полностью контролируется другим государством, которое таким образом диктует свои экономические и политические интересы.

Исходя из этого, всё же, международное право является второстепенной причиной, по которой некоторые государства не могут добиться признания. Первостепенной причиной, как и появления таких государств, так и вопроса непризнания является геополитический интерес акторов международной политики, зачастую более сильных государств, которые используют непризнанные государства как марионетки в своей большой игре. Вопрос же признания часто используется как инструмент торга между более сильными государствами. Так по информации сайта WikiLeaks статус Абхазии также используется как инструмент торга. В разговоре с эстонским министром иностранных дел (октябрь 2009) Лукашенко заявил, что РФ вынуждает его признать независимость Абхазии и Южной Осетии в обмен на низкую цену на газ. Таким образом, выявление коллизий международного права является лишь следствием, причиной же на деле оказываются заинтересованность более сильных государств в определении статуса этих государственных образований [6, 40].

При этом любое определение понятия «непризнанное государство» будет достаточно условным, поскольку, само название указывает скорее не на форму организации власти и наличие/отсутствие суверенитета, а на проблему существования такого государства на мировой арене, в международно-правовых и политических отношениях, на факт его признания или непризнания.

В международном праве сосуществуют два конкурирующие между собой принципа, которые нужно учитывать, при решении проблем о правовом статусе непризнанных государств: первый принцип – это принцип права народов на самоотделение, второй – принцип нерушимости государственных границ. Эти принципы были прописаны в Уставе ООН и декларации ООН о принципах международного права [7].

Принцип самоопределения в практике ООН, который включает в себя право на создание, в первую очередь, независимого государства, понимается как право независимости колониальных народов от метрополий. Это понимание было закреплено в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года. Народы, находящиеся под иностранной оккупацией или под гнетом расистских режимов, также обладают правом на самоопределение [8].

Именно народ, нация, т. е. достаточно крупная и целостная общность, является субъектом права, субъектом не является любая социальная, религиозная или этническая группа.

Понятие «непризнанное государство» очень условно и используется в науке лишь с определенными допущениями. В юридическом плане точность этого термина оспаривается исходя из норм международного права, потому что только государство, которое полностью или частично лишено международного признания, но которое обладает всеми другими государственными признаками, может быть непризнанным. З.В. Силаева, отмечает, что непризнанные государства – это политико-территориальные образования, которые обладают ключевыми атрибутами государственности и, прежде всего, способностью к эффективному внутренне легитимированному контролю над основной территорией, если отсутствует международное признание, без которого они не могут вступать полноправно в правовые отношения с иными государствами.

При исследовании феномена непризнанных государств, нужно различать два подхода: геополитический или фактический и международно-правовой или формальный.

С точки зрения сторонников первого подхода, никаких непризнанных государств для мирового сообщества не существует, так как согласно современной теории международного права субъектами международно-правовых отношений они не являются.

Сторонники же второго подхода, считают, что непризнанным государствам отводится большая роль в международных отношениях.

Не мало важно, что за последнее время непризнанные государства стали одними из самых активных акторов международных отношений, так же как и участниками геополитической игры на территории Европы и Азии.

Точка бифуркации, т.е. «чрезвычайного положения», момента, в котором два порядка – формальный и фактический разошлись между собой, должна стать отправной точкой для анализа феномена непризнанных государств.

Из этого следует сделать вывод, что процесс появления непризнанных государств очень многогранен, полон особенностей и нюансов. Данное явление требует создания систематизированного правового регулирования, которое может появиться лишь при условии тесного сотрудничества стран международного сообщества на базе крупнейших международных организаций, к примеру, таких как ООН.

Список источников

1. Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю., Мельвиль А. Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации. – Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 26-39
2. Большаков, А.Г. «Замороженные конфликты» постсоветского пространства: тупики международного миротворчества / А.Г. Большаков // Политика. – 2008. – №1. – С.27-37.
3. Никитина, Ю.А. Урегулирование «замороженных» региональных кризисов [Электронный ресурс] // Федерация мира и согласия: Международная неправительственная организация с консультативным статусом при ЭКОСОС ООН и статусом участника Совета Европы [Офиц. сайт]. Режим доступа: <http://www.ifrc.ru/index.php?cat=216>, свободный.– Загл. с экрана.
4. Дзидзоев, В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование) // Владикавказ, 2000 – С. 14.
5. Арешев, А.Г. Захаров В.А. Признание независимости Южной Осетии и Абхазии. История. Политика. Право.– М. : МГИМО, 2008.– 359с.
6. Большаков, А.Г. Феномен посткоммунизма в современной мировой политике / А.Г. Большаков // Наука, технологии и коммуникации в современном обществе: материалы республиканской научно-практической конференции (9-13 февраля 2009 года): в 2 т. / Мин-во образования и науки Респ. Татарстан, Казан. гос. ун-т, фил. в г. Набережные Челны; отв. за вып. Э.Ф. Назмиев.– Набережные Челны: лаб. операт. полиграфии, 2009.– Т.1. – С.127-130.
7. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. М.: Московский независимый институт международного права, 1996.– Т. 1.– С. 65–73.
8. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. М., 1977. – С. 544–589.

УДК 341.645.5

РАССМОТРЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ВОЕННЫХ ТРИБУНАЛОВ)**Николаева Евгения Борисовна**

Главный специалист Департамента международного права
Министерства юстиции Донецкой Народной Республики,
аспирант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»
e-mail: EvgeniyaNikolaeva@mail.ua

Аннотация. В статье анализируются вопросы формирования международного права, а также применения доказательств в судах международных инстанций на примере первых военных трибуналов. Рассмотрена роль Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов в генезисе международных уголовных процессов и в построении норм международного уголовного права.

Ключевые слова: военный трибунал, документирование, международное право.

Необходимость в создании международного уголовного правосудия берёт своё начало ещё с Версальского мирного договора, заключённого в 1919 г. Этим договором была формально завершена Первая мировая война 1914–1919 гг. В согласии с ним и были определены новые принципы международного правопорядка, а также установлена вина стран-агрессоров и, как следствие, предусмотрено формирование специального суда, который бы предусматривал преследование лиц «обвиняемых в совершении действий, которые противоречат законам и обычаям войны» [1]. В силу ряда политических и правовых обстоятельств этот суд не состоялся, но именно с того самого времени начал строиться механизм международно-правового метода реагирования на военные преступления, преступления против человечества, геноцид.

8 августа 1945 г. в соответствии с Лондонскими соглашениями во Франции между правительствами СССР, США, Великобритании, Северной Ирландии и Временного Правительства Французской Республики было заключено Соглашение об учреждении суда над первыми военными преступниками, сражавшимися на стороне Фашистской Германии, над людьми, которые, отдавая преступные приказы, совершили ряд самых тяжких преступлений – преступлений против человечества [2]. В дальнейшем к соглашению официально присоединились еще 19 государств. Важнейшей правовой составляющей этого соглашения стал Устав Международного уголовного трибунала (далее – Устав) [3] в котором были обозначены его функции, юрисдикция и устройство. Согласно Уставу учреждался Трибунал из четырех судей и четырех их заместителей – по одному от каждой из четырех держав, а также комиссия обвинителей от тех же стран для подготовки обвинительного акта и представления доказательств. Преступления, в совершении которых обвинялись подсудимые, были указаны в Уставе. Таким образом был образован первый в истории «народный суд». Международный военный трибунал в Нюрнберге стал первым в истории опытом осуждения преступлений государственного масштаба, совершённых в годы Второй мировой войны – правящим режимом, его государственными, политическими и карательными институтами, высшими военными и политическими деятелями. Процесс начался 20 ноября 1945 г. и продолжался почти 11 месяцев. Перед Трибуналом предстали 24 военных преступника, входивших в высшее руководство фашистской Германии. Всего проводилось 403 заседания Трибунала, все они были открытыми.

Устав и Регламент Трибунала не содержат конкретного перечня источников, которые возможно использовать в качестве доказательств в процессе. В отдельных предписаниях этих нормативных актов названы объяснения подсудимого, «документы и иные материалы, используемые как доказательства», «официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций» (статьи 16, 17, 20 Устава), показания

свидетелей, протоколы, вещественные доказательства (правила 2, 3, 6, 9, 10 Регламента Международного Военного трибунала). Кроме того, Трибунал использовал и другие формы доказательств, к примеру, заключения экспертов по вопросам о состоянии здоровья обвиняемых.

Попытка исчерпать все возможные источники доказательств в данных условиях послужила бы причиной задержки процесса на неопределенное время. Следовательно, особую значимость приобрел вопрос выбора убедительных и достаточных доказательств. Разрешение данной задачи решалось обвинением в различных направлениях. Были отобраны документы, которые фиксировали преступные действия и решения подсудимых – их распоряжения, приказы, инструкции, дневники, письма, полученные ими отчеты о выполнении приказов и пр. Также для доказывания преступных последствий обширно применялись документы, в которых сосредоточена информация о преступлениях, которые совершались во исполнение приказов подсудимых. Применение документов такого рода было специально предусмотрено статьей 21 Устава Трибунала: «Трибунал... будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных Наций».

Авторы Устава разумно исходили из того, что каждый из этих документов является собой результат сбора, анализа и оценки огромного количества показаний, протоколов осмотра и других доказательств, возвращаться к которым без особых оснований нет необходимости. Как уже было сказано, Нюрнбергский трибунал рассматривал три группы преступлений, за совершение которых осуждались нацистские преступники – преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Преступления против мира предусматривали целый ряд составов: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий. Под военными преступлениями Устав понимал нарушения законов или обычаев войны. К этим нарушениям были отнесены убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления. В группе преступлений против человечности выделялись следующие виды: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

В зале суда и на местах были допрошены сотни свидетелей, рассмотрены тысячи документов. В качестве доказательств фигурировали также книги, статьи и публичные выступления нацистских лидеров, фотографии, документальные фильмы, кинохроника. Достоверность и убедительность этой базы не вызывали сомнений.

Нюрнбергский процесс стал прецедентом международного права и приобрел глобальное историческое значение как первое крупнейшее правовое деяние Объединенных Наций.

По аналогии с Международным военным трибуналом в Нюрнберге был создан Токийский военный трибунал. Начало суда «победителей над побежденными» состоялось в мае 1946 г.

«Победителями» определены 11 государств: США, Великобритания, СССР, Франция, Канада, Китай, Австралия, Новая Зеландия, Нидерланды, Индия и Филиппины.

Решение о суде над японскими военными преступниками было выражено в Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. путем обращения глав правительств США, Великобритании и Китая (позже СССР) с требованием безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил [4].

Это был второй судебный процесс над главными военными преступниками, виновными в развязывании Второй мировой войны. Токийский трибунал был учрежден 19 января 1946 г. «*Специальной прокламацией*» генерала Макартура, в соответствии с Потсдамской декларацией от 26 июля 1945 г., и в соответствии с Актом о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г., в котором Япония приняла условия Декларации [5].

В данной декларации в п. 6 указывалось: «Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний, ибо мы твердо считаем, что новый порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира» [4].

Таким образом Токийский трибунал получил право судить и наказывать военных преступников на Дальнем Востоке, совершивших преступления против мира. На скамье подсудимых оказались 28 главных военных преступников. Токийский процесс длился с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г., в течение двух с половиной лет, и стал самым продолжительным в истории.

Токийский трибунал устанавливал и применял более упрощенную процедуру и рассматривал любые доказательства, которые, на его взгляд, имели доказательную ценность. Таким образом, мог быть представлен любой документ, независимо от степени его секретности; доклад, который, по мнению Трибунала, был подписан или издан организацией Международного красного Креста или членом этой организации; письменное свидетельское показание; личный дневник; письмо или какой-либо другой документ; копия документа или какие-либо другие вторичные доказательства. Отдельного установления общепризнанных фактов, а также оригинальности должностных правительственных документов и докладов любого государства, приговоров и протоколов военных и других судов не требовалось. Именно этот принцип закреплён в нормах международного процессуального права в настоящее время. Также этот принцип используется в национальном праве многих стран мира.

Особенность Нюрнбергского процесса состояла в том, что обвинения были предъявлены не только конкретным людям, но и партийно-государственным структурам. Отличие от Нюрнбергского устава в том, что в Токийском уставе преступления против мира определяются со ссылкой на «объявленную или необъявленную агрессивную войну». Комиссия Организации Объединенных Наций по расследованию военных преступлений пришла к выводу, что расхождения в предусмотренных в двух Уставах, носили «чисто редакционный характер и не затрагивали существа права, регулирующего юрисдикцию, а именно это различие в юридической методике; в Уставе для Дальнего Востока безотносительность «объявления» войны выражена прямо; в Нюрнбергском уставе тот же результат достигается посредством отсутствия упоминания. В связи с этим стоит отметить, что именно безотносительность объявления войны является главной чертой развития международного права, сформулированной в двух Уставах и закреплённой в Приговоре Нюрнбергского трибунала».

Изучив предпосылки создания и историю формирования Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов, судебную процедуру в них на основе соответствующих уставов, а также проанализировав то влияние, какое оказали эти процессы на нормы международного уголовного права, мы можем прийти к выводу, что их роль в международном праве огромна.

Никакое доказательство не имело заранее установленной силы, его значение могло определяться только исходя из подтверждаемых ими обстоятельств и их значения для судебного разбирательства. Постановка ответственности подсудимого вне зависимости от

его служебного положения, как принцип, легла в основу всех последующих международных актов. На прочном фундаменте Нюрнбергских и Токийских положений формировалось практически всё международное право послевоенного периода – будь то конвенции ООН или уставы международных трибуналов (например, Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. [1], который конкретизировал Нюрнбергские и Токийские правила). Уставы трибуналов в Нюрнберге и Токио впервые дали чёткое определение военным преступлениям, преступлениям против мира и преступлениям против человечности, которое использовалось при квалификации преступных деяний после Второй мировой войны. Резолюции Организации Объединённых Наций подтвердили важность нюрнбергских и токийских принципов, признав их основополагающими постулатами международного права.

Учитывая опыт этих огромных по значению правовых процедур, важно отметить необходимость в формировании и ведении доказательной базы преступлений против мира и человечества и в наши дни. В условиях непрекращающегося вооружённого конфликта на Донбассе возникла прямая необходимость в создании структур и организаций, которые бы фиксировали, документировали и создавали доказательную базу военных преступлений совершённых украинским правительством на Донбассе с целью её дальнейшего использования в международных судебных инстанциях.

В то время, как данная процедура необходима для проведения объективного анализа событий, имеющих место на территории Донецкой Народной Республики, а также для реальной оценки нанесенного морального, психического и материального ущерба мирному населению Донбасса со стороны украинских карателей. В настоящее время в практике главным образом применяются документы, созданные каким-либо способом, письма – рукописным, машинописным, типографским, компьютерным, а также с использованием графики, рисунка, фото-, звуко- и видеозаписи и на специальном материале (бумаге, кино- и фотоплёнке, магнитной ленте, диске и др.).

Исследуя документирование военных преступлений в условиях текущего военного конфликта, необходимо более детально рассмотреть виды документов, которые выполняют функцию документирования военных преступлений, а также организаций и структур их выполняющих.

Приступая к этапу рассмотрения перечня структур и организаций, которые ведут деятельность по фиксации, документированию и созданию доказательной базы военных преступлений на территории Донбасса, хотелось бы начать с международных организаций, занимающихся указанного рода деятельностью, ссылаясь на конкретные примеры их деятельности.

Таковыми примерами являются отчеты общественных организаций, доклады ООН, отчеты миссии ОБСЕ в Украине. По сообщению правозащитной организации Human Rights Watch (далее – HRW) от июня 2014 года имеются «заслуживающие доверия сообщения о применении украинскими силами миномётов и другого оружия в населённых районах и поблизости от них». 01 июля 2014 г. организация HRW выпустила отчёт «Восточная Украина: вопросы и ответы о законах войны», в котором описала «случаи использования правительственными войсками в нарушение Женевской конвенции миномётов, военной авиации, а также тяжёлого вооружения – артиллерии с широким поражающим эффектом». 24 июля 2014 г. HRW заявила о применении украинскими военными реактивных установок «Град» для обстрелов населённых пунктов на востоке Украины, в результате которых гибнет мирное население. Данные действия могут квалифицироваться как военные преступления. Правозащитники признали факт как минимум четырёх обстрелов населённых пунктов неуправляемыми снарядами в период с 12 по 21 июля, в результате чего погибло минимум 16 гражданских лиц. В отчете от 13.05.2015 г. «Украина: Гражданское население испытывает трудности с получением медицинской помощи» HRW призывает правительство Украины обеспечить соблюдение прав населения.

«Как только города Донецк и Луганск оказались под контролем самопровозглашенных «Донецкой Народной Республики» и «Луганской Народной Республики», ВСУ ужесточили блокаду вокруг этих двух городов с целью вернуть их под свой контроль... Часть зарегистрированных случаев неизбирательных обстрелов жилых кварталов можно отнести к действиям украинских вооруженных сил», говорится в шестом докладе управления верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) по ситуации на Украине [6].

В опубликованном 2 марта 2015 г. докладе миссии ООН говорится: «Временный закон не может противоречить элементам международных стандартов о свободе передвижения, ограничение которой должно базироваться на ясных юридических основаниях и пройти тест на необходимость и пропорциональность. Принимая во внимание, что приемлемо ограничить доступ в область проведения спецоперации по обеспечению безопасности, трудность или невозможность для гражданских лиц покинуть район конфликта не соответствует статье 12 Международного пакта о гражданских и политических правах».

В условиях непрекращающегося вооружённого конфликта на Донбассе возникла необходимость в создании структур и организаций, которые бы фиксировали, документировали и создавали доказательную базу военных преступлений для её дальнейшего использования в международных судебных инстанциях на территории Донецкой Народной Республики.

Так, Распоряжением Главы Донецкой Народной Республики от 30 мая 2016 г. № 78 (с изменениями) [7], была создана Специальная комиссия по фиксации и сбору доказательств военных преступлений украинской власти. В состав комиссии вошли представители следующих структур и ведомств Донецкой Народной Республики: Министерства государственной безопасности, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Министерства информации, Министерства труда и социальной политики, Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы, Генеральной прокуратуры Донецкой Народной Республики, Государственного правового управления администрации Главы Донецкой Народной Республики, Уполномоченного по правам человека в Донецкой Народной Республике, Министерства здравоохранения, Министерства строительства и ЖКХ, Министерства по делам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций, Министерства обороны, а также представители общественной комиссии по фиксации и военных преступлений украинской власти.

В международной практике неправительственные правозащитные организации осуществляют документирование военных преступлений, совершаемых на территориях вооруженного конфликта. Оформленные в результате документирования материалы могут быть переданы на рассмотрение в международные судебные инстанции. В Донецкой Народной Республике создана общественная комиссия по документированию военных преступлений. Но чтобы послужить поводом для возбуждения официального расследования, собранные ею материалы должны отвечать ряду процессуальных критериев. В связи с этим актуализируется вопрос о научных основах технологии документирования, осуществляемого общественной комиссией.

Оформленные общественной комиссией материалы представляют собой результат осуществления процедуры документирования. Они становятся звеном, объединяющим деятельность общественной организации с деятельностью международных судебных инстанций. В международном судопроизводстве общественная комиссия претендует на статус внепроцессуального субъекта доказывания. Однако вопросы коммуникации общественной комиссии с международными судебными инстанциями остаются неизученными.

Невозможно оставить без внимания государственные учреждения Донецкой Народной Республики, которые в меру своих возможностей фиксировали факты

разрушений жилья жителей Донбасса, пострадавших в результате артиллерийских обстрелов. Пострадавших в этом случае можно классифицировать следующим образом:

- граждане Донецкой Народной Республики, получившие ранения различной степени тяжести, в результате артиллерийских обстрелов;
- граждане Донецкой Народной Республики, родственники которых получили травмы несовместимые с жизнью;
- граждане Донецкой Народной Республики, жильё и имущество которых было повреждено, либо полностью уничтожено в результате военного конфликта на территории Донбасса.

Доказательством причинения вреда здоровью служат медицинские заключения различных форм, выданные медицинскими учреждениями Донецкой Народной Республики.

Граждане Донецкой Народной Республики, чьи родственники получили травмы несовместимые с жизнью, получают врачебные свидетельства о смерти родственников в медицинских учреждениях и свидетельства о смерти в органах государственной регистрации актов гражданского состояния.

И, пожалуй, самая многочисленная категория, это граждане, жильё и имущество которых получили повреждения или были полностью уничтожены в результате вооруженного конфликта на Донбассе. С самого начала вооружённого конфликта, факты обстрелов начали фиксировать администрации городов и их территориальные подразделения. В большинстве случаев гражданам, жильё и имущество которых получили повреждения или были полностью уничтожены в результате многочисленных артиллерийских обстрелов, выдавались акты о разрушении жилья. Также случаи повреждения жилья в результате артиллерийских обстрелов, вследствие которых возникали возгорания, фиксировали сотрудники МЧС, прибывшие на место события.

Также невозможно обойти вниманием огромное количество фото- и видеофиксаций последствий обстрелов жилых кварталов Донецкой Народной Республики, которые могут быть использованы в международных судебных инстанциях.

Список источников

1. Римский Статут Международного Уголовного Суда (принят 17 июля 1998 дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного Уголовного Суда) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

2. Соглашение между Правительствами СССР, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси // Действующее международное право. Т. 3. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 761–763.

3. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 165–172.

4. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/history/nuremberg/>

5. Акт о капитуляции Японии от 02.09.1945 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2569365/>

5. Заявление глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая (Потсдамская декларация) 26.07.1945 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ru.emb-japan.go.jp>

6. Report on the human rights situation in Ukraine 15 November 2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/OHCHR_sixth_report_on_Ukraine.pdf

7. Распоряжение Главы Донецкой Народной Республики от 30.05.2016 г. № 78 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://doc.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2016/06/rasporiazhGlavaN78_30052016.pdf

УДК 341.232(470+531):327.5(479.225)

АБХАЗСКО–ЮЖНООСЕТИНСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ, КАК ОСНОВА ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ПРИЗНАНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Сухобоченков Евгений Сергеевич

ГОУ ВПО «Донецкого национального университета», г. Донецк

E-mail: evgenyj-ser@yandex.ru

Аннотация: в статье рассмотрена возможность признания Донецкой Народной Республики в свете абхазско-южноосетинского прецедента признания государства. Исследование показало, что данный прецедент действительно дает право Республике быть признанной.

Ключевые слова: Донецкая Народная Республика, Южная Осетия, Абхазия, международно-правовой прецедент, международное право.

В 2014 г. была провозглашена независимость Донецкой Народной Республики (далее ДНР). Ее образование было связано со многими трудностями, которые создавала постмайданная власть в Киеве. К таковым можно отнести постоянные притеснения русскоговорящего населения со стороны радикальных украинских группировок, начало силовой операции против жителей Донбасса (так называемой «АТО») и т.д. Но они никак не смогли повлиять на процесс отделения Донецка от Украины. И даже наоборот ускорили его своими противоправными деяниями [8].

Не смотря на то, что с момента создания ДНР прошло уже 4 года, ни Украина, ни западные страны не признают факт возникновения нового государства, и продолжают считать ее частью Украины (бывшей Донецкой областью). Европейские государства заявляют, что отделение Донбасса от Украины было актом сепаратизма, а так же нарушением норм международного права (далее МП). Отсюда следует, что признание ДНР просто невозможно, а то государство, которое все же признает Республику, станет «преступником» [8].

В этой связи необходимо отметить, что европейские государства вступают в противоречие с собственной практикой международно-правового признания государств. Говоря о возможности или невозможности признания новообразованного государства, они забывают о существовании Республики Косово [4]. Данное государство, которое действительно отделилось, не взирая на нормы МП, они признали. И, таким образом, сформировали прецедент в институте международно-правового признания государства. Данный прецедент позволяет новообразованному государству быть признанным, даже если оно отделилось с нарушением международно-правовых норм. В то время как суверенизация ДНР проходила с соблюдением основных норм МП [4].

Прежде всего, оно было документально закреплено. При провозглашении независимости были приняты: Декларация «О суверенитете Донецкой Народной Республики» и Акт «О провозглашении государственной самостоятельности Донецкой

Народной Республики» от 7 апреля 2014 г. Так же 15 апреля 2014 г. была принята Конституция ДНР [8; 2].

Необходимо отметить, что в Конституции в статье 1 говорится: «Донецкая Народная Республика является демократическим правовым социальным государством». Так же, был закреплен принцип народовластия и принцип выражения этой власти, через референдум и свободные выборы [2]. Эта норма была впервые применена 11 мая 2014 г. на всенародном референдуме, где было принято окончательное решение о независимости. Украина и европейские страны, поспешили объявить референдум не легитимным, в то время как Российская Федерация, заявила об уважении результатов референдума [8]. Данный референдум также можно трактовать, как имплементацию права народов на самоопределение, закрепленного в Уставе ООН [8].

Помимо этого, европейские страны не могут заявлять о неправомерности создания ДНР в свете ими же принятых признаков государства. Данные признаки были сформулированы в 1991 году, во время встречи министров иностранных дел Европейского Союза. Этот документ получил название «Заявление «двенадцати» о будущем статусе России и других бывших республик» [1]. В нем говорилось, что государство может быть признано, если соответствует следующим требованиям:

1. Уважение и соблюдение принципа нерушимости границ;
2. Уважение прав и свобод человека;
3. Гарантирование прав этнических и национальных меньшинств;
4. Строгое соблюдение Устава ООН;
5. Установление и развитие демократического режима;
6. Принятие и соблюдение обязательств относящихся к разоружению и нераспространению ядерного оружия;
7. Мирное разрешение споров, возникающих в регионе, в том числе тех, которые касаются вопросов правопреемства [1].

Большинство из вышеперечисленных требований, были закреплены в Конституции ДНР. Так в ней говорится: «В Донецкой Народной Республике признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Донецкой Народной Республики», «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения», «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими» [2]. Как мы видим, ДНР соответствует всем признакам современного демократического государства, а, следовательно, оно имеет право быть признанным европейскими странами. Как в свете данных признаков, так и в свете косовского прецедента.

В тоже время, следует подчеркнуть, что в вопросе о признании ДНР более правомерно было бы руководствоваться абхазско-южноосетинским прецедентом [6]. И тут хотелось бы остановиться на рассмотрении именно грузино-южноосетинского конфликта, так как он наиболее схож с событиями на Донбассе.

Напомним, что в августе 1989 г. ВС Грузинской ССР (далее ГССР) принял решение относительно придания грузинскому языку статуса государственного, на всей территории ГССР. Все документы, все делопроизводство переводилось на грузинский язык. Документы на русском языке не принимались на рассмотрение. Конечно, население Южной Осетии выступило за отмену данного закона. Так ранее созданное южноосетинское движение «Слово народа» обратилось к Совету министров и ВС ГССР с требованием пересмотреть принятое решение, а так же обсудить вопрос относительно объединения Южной и Северной Осетии в единую территориальную единицу. Не получив ответа Совет депутатов (далее СД) Юго-Осетинской автономной области принял, самостоятельно, решение о главенствовании осетинского языка на всей территории автономии [9].

Для того чтобы урезать полномочия югоосетинской автономии 20 сентября 1989 г. ВС ГССР принял законы "Об изменениях и дополнениях Конституции Грузинской ССР", "О выборах народных депутатов Грузинской ССР", "О выборах народных депутатов местных Советов народных депутатов Грузинской ССР", которые серьезно сокращали полномочия местных властей Южной Осетии. Кроме того, изменялись ее территориальные границы, деление на районы, так же было отменено право на законодательную инициативу и право вето, накладываемое на принимаемые ВС ГССР законы. В конечном итоге, Юго-Осетинская автономная область полностью лишилась своего автономного статуса. Но действия республиканских властей лишь подтолкнули южноосетинское население к началу борьбы за независимость. После принятия вышеупомянутых законов Совет народных депутатов (далее СНД) Южной Осетии попытался изменить ситуацию и 26 сентября того же 1989 года внес свои предложения относительно внесения поправок в Конституцию ГССР. Однако таковые не были рассмотрены центральными властями республики. Грузинские власти просто игнорировали любые инициативы, как со стороны Южной Осетии, так и со стороны Абхазии [9].

Через некоторое время 10 ноября 1989 г. на 12-й чрезвычайной сессии СНД Южной Осетии принял решение о преобразовании автономной области в автономную республику Южная Осетия в составе ГССР, обратившись в ВС ГССР с просьбой рассмотреть данное решение. Однако ВС ГССР не поддержал это решение. 16 ноября 1989 г. президиум совета признал данное решение антиконституционным и отменил его. Так же на очередной сессии ВС ГССР были утверждены ранее предложенные поправки к Конституции республики. Интересно, что республиканские власти прибегали и к другим методам давления на южноосетинское население с целью того, чтобы они приняли измененную конституцию ГССР. В качестве одного из основных средств давления на Южную Осетию использовались средства массовой информации, которые развернули широкомасштабную кампанию против Южной Осетии. Осетин начали называть «пришлым народом», а Юго-Осетинскую автономную область - «так называемой Южной Осетией». 23 ноября 1989 г. в г. Цхинвали – центральный город Юго-Осетинской автономной области – из Тбилиси и других городов ГССР была направлена колонна автобусов для проведения митинга в целях поддержки действующего грузинского правительства. Колонна состояла более чем из 400 автобусов и автомобилей, при этом многие «митингующие» были вооружены. Однако местное население города перегородило все подъезды к нему и демонстранты так и не смогли попасть в г. Цхинвали. Противостояние длилось более 24 часов, после чего на место приехало высшее руководство ГССР, главой которого был первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза (далее ЦК КПСС) ГССР Гумбаридзе. Немаловажно подчеркнуть и тот факт, что в блокаде принимали участие и части Министерства внутренних дел (далее МВД) ГССР, которые были переброшены на территорию Южной Осетии. За время блокады было убито шесть человек осетинской национальности и более 400 человек получили телесные увечья. Как заявляло Управление внутренних дел Южной Осетии, останавливали транспорт и передавали грузинским боевикам лиц осетинской национальности именно переброшенные части МВД ГССР [9].

В конечном итоге переломить ситуацию на свою сторону не удалось, и грузинскими радикалами было принято решение начать блокаду Цхинвали, которая, в общем счете, длилась более трех месяцев [9].

Параллельно этому, началось обострение отношений между Абхазией и властями ГССР. После того, как еще в апреле 1988 г. в Тбилиси прошли митинги за упразднение автономного положения Абхазии, начали выдвигаться еще более радикальные требования относительно полного упразднения всех автономий на территории ГССР. Не удалось успокоить волнения и приехавшему туда Министру иностранных дел СССР Э. Шеварнадзе [9].

Невзирая на кризисное положение, Грузия взяла курс на отделение от СССР. В этой связи 9 марта 1990 г. внеочередная сессия ВС ГССР приняла специальное постановление "О гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии». В данном постановлении прямо говорилось о том, что договор об образовании СССР, подписанный в 1920 г., объявляется незаконным, а, следовательно, и нахождение самой Грузии в составе СССР является неправомерным [9].

Полную же свободу рук грузинские власти получили после того, как 3 апреля 1990 г. центральными властями СССР был принят закон «О порядке выхода союзных республик из состава СССР», согласно которому в случае выхода одной из союзных республик из состава советского государства автономные образования сами решают вопрос относительно отделения от СССР. В ответ грузинские власти, на внеочередной сессии ВС ГССР 20 июня 1990 г., приняли решение о признании всех юридических актов, принятые после вступления Грузии в состав СССР (1921 г.), незаконными. Здесь нужно подчеркнуть, что Юго-Осетинская автономная область была передана Грузии в 1922 г. То есть, приняв данное решение, Грузия сама отказалась от Южной Осетии, по крайней мере, в юридическом смысле. Кроме того, на данной сессии были отклонены законы центральных властей СССР относительно порядка выхода республик из состава союза, а так же о разграничении полномочий между субъектами федерации [9].

В ответ 3 августа 1990 г. СНД Юго-Осетинской автономной области принял, в первом чтении, Декларацию о суверенитете. Это было полностью легитимное решение ввиду уже упомянутого закона центрального правительства СССР. Также были приняты декларация о суверенитете и постановление, о действии Конституции СССР на территории провозглашенной республики. Через 8 дней (28 сентября 1990 г.) на остальной территории ГССР проходят выборы в ВС, и его главой избирается З. Гамсазурдиа. В свою очередь областной совет Южной Осетии принял повторную Декларацию о суверенитете и назначил собственные выборы в парламент республики на 9 декабря 1990 г. 23 ноября 1990 г. правительство ГССР отказалось подписать новый союзный договор, что означало выход Грузии из состава СССР и начало ее существования, как отдельного государства [9].

СНД Южной Осетии 28 ноября 1990 г. подтвердил сохранение за собой республиканского статуса, при этом было изменено официальное название Южной Осетии. Она была переименована в Юго-Осетинскую советскую республику (далее ЮОСР). Кроме этого, СНД ЮОСР заверил центральное правительство в своем стремлении подписать новый союзный договор с СССР – то есть остаться в рамках советского государства. Было принято и обращение к ВС Грузии относительно создания совместной комиссии для урегулирования всех противоречий возникших между ЮОСР и Грузией. Однако грузинская сторона полностью проигнорировала его. Все происходящие события вызывали рост вражды между грузинским и южноосетинским населением [9].

Тем не менее, это не помешало провести ранее запланированные выборы на территории ЮОСР 9 декабря 1990 г. По итогам выборов, в них приняли участие 72% граждан и большинство высказались за автономию своего региона от Тбилиси. Так же 9 декабря прошли выборы в ВС ЮОСР. После чего, 10 декабря того же года состоялась первая сессия обновленного южноосетинского парламента, которая избрала своим председателем Т. Г. Кулумбегова. Помимо этого, были созданы руководящие органы республики. В то же время ВС Грузии 11 декабря 1990г. принял решение, и соответствующий закон, об окончательном упразднении Юго-Осетинской автономии с внесением поправок в конституцию страны [9].

Вместе с правовыми действиями, грузинские власти начали силовую операцию против Южной Осетии. Так 30-31 марта 1991г. грузинскими силовиками была предпринята попытка штурма Цхинвала. В апреле массированные обстрелы Цхинвала не прекращались. Очередной шаг южноосетинского правительства, заключавшийся в возврате к прежнему территориальному устройству, был полностью проигнорирован

Грузией. Все лето напряжение на территории Южной Осетии лишь нарастало, люди стали требовать отмены решения о возврате к автономному статусу. И 1 сентября 1991 г. СНД ЮОСР принял постановление об отмене решения, принятого на собрании депутатов всех уровней от 4 мая 1991 г. Период невозврата в отношениях между Грузией и Южной Осетией был пройден. Теперь ЮОСР поставил цель объединиться с Северной Осетией и, следовательно, войти в состав РСФСР. Во исполнение данной задачи сессией СНД было принято обращение к властям РСФСР с просьбой о де-юре присоединении Южной Осетии к территории Северной Осетии. А 19 января 1992 г. был проведен референдум, на который был вынесен вопрос о создании независимого и суверенного государства на территории Южной Осетии. По его итогам 99% проголосовавших высказались «за». Таким образом, было создано независимое южноосетинское государство. Но оно не было признано со стороны других государств [9].

В то же время в Грузии произошел переворот, в ходе которого был упразднен режим Гамсахурдиа, и к власти пришел Э. Шеварддзе. Но политика Грузии по отношению к РЮО не была изменена. Война продолжалась. Грузинские войска не прекращали обстрелы Цхинвали и захваты населенных пунктов на территории Южной Осетии [9].

Русское население РЮО постоянно обращалось к ВС РФ с просьбой включить их территорию в состав РФ, распространить ее суверенитет на территорию РЮО и предоставить ее населению российское гражданство. Но никаких действий со стороны РФ не было предпринято. Грузинские военные продолжали разрушать населенные пункты и обстреливать Цхинвал. В итоге, 29 мая 1991г. ВС РЮО одобрил акт о независимости Южной Осетии. Позже в целях прекращения боевых действий, в г. Сочи 24 июня 1992г. тогдашний президент РФ Б. Ельцин и Э. Шеварнадзе приняли Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта, которое вошло в историю, как Дагомыское соглашение. Тем не менее, обстрелы территории Южной Осетии не прекращались. Договоренность противоборствующих сторон о прекращении огня, достигнутая 28 июня 1992г., не была соблюдена грузинской стороной. Полностью прекратить боестолкновения удалось лишь после введения 14 июля 1992г. миротворческих сил на территорию РЮО и создания, ранее 4 июля 1992г., Смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта (далее СКК) [9].

Однако окончательно конфликт это не завершило, а лишь, на время, остановило вооруженные столкновения. После т.н. «революции роз» правительство М. Саакашвили начало активное перевооружение грузинской армии и приведение ее в соответствие со стандартами НАТО. В то же время на территории Республики Южная Осетия (далее РЮО) и Республики Абхазия (далее РА) шли активные процессы государственного строительства [9].

Эти процессы вынудили Грузию начать новый виток конфликта. В августе 2008г. грузинские войска начали наступление на г. Цхинвал, что ознаменовало собой второй грузино-южноосетинский и грузино-абхазский конфликты. Они были прекращены только после введения российского миротворческого контингента. После чего, президент РФ принял решение о признании РЮО и РА в качестве независимых государств. Тем самым, был сформирован прецедент для признания государств на постсоветском пространстве и не только. Подкрепили данный прецедент и признания со стороны других государств, таких как Никарагуа, Венесуэла, Куба и Науру [9].

Исходя из вышесказанного, следует, что для признания ДНР существует международно-правовой прецедент. Он легализует и легитимирует путь отделения Республики от Украины, так как РЮО и РА отделились по весьма схожим сценариям. Тем не менее, ДНР до сих пор не была признана. Если конечно не считать де-факто признания со стороны РФ, которая приняла ряд законов, в которых ДНР упоминается в качестве отдельной территориальной единицы. Но мы говорим о полном дипломатическом

признании Республики, что позволит ей стать полноправным участником международной жизни [6; 7].

Поэтому мы считаем, что в вопросах о признании государств необходимо учитывать не правовые, а теоретические основы. В этой связи, необходимо вспомнить о декларативной и конститутивной теории признания государств. Согласно декларативной теории, государству не нужно признание со стороны других государств, а достаточно лишь самого факта его провозглашения. Конститутивная же теория настаивает на международно-правовом признании, как обязательном атрибуте любого государства [10].

На практике мы наблюдаем, что первая теория более жизнеспособна. Ведь сегодня существует более 120 государств, которые, так или иначе, существуют с непризнанным статусом. Но дипломатическое признание ДНР необходимо. И тут именно абхазско-южноосетинский прецедент создает, как уже говорилось выше, основу для признания Республики. Однако нельзя не отметить, что для принятия решения о признании государства, любой стране нужна политическая воля. И как мы видим, именно политическая воля стала ключевым фактором в признании Республики Косово, а так же в признании РЮО и РА со стороны РФ [5; 6].

В заключение данной статьи можно сделать вывод, что никаких правовых «препятствий» для признания ДНР не существует. Кроме того, в свете наличия абхазско-южноосетинского прецедент, любые правовые коллизии, которые, так или иначе, могли возникнуть во время провозглашения ДНР, теряют свою силу.

Именно данный прецедент стал базисом международно-правового признания Республики, и, прежде всего, со стороны РФ. А если учесть, что РФ уже руководствовалась прецедентом признания государства (во время присоединения Республики Крым), то вероятность признания ДНР со стороны России становится еще больше.

Тем не менее, для признания государства требуется политическая воля и определенные политические условия. Таким образом, мы можем говорить о том, что в теоретические основания института международно-правового признания необходимо внести новую теорию – политического решения. Теория политического решения будет подразумевать, что новообразованному государству достаточно создать лишь политические условия для его признания. Вместе с тем, ему необходимо запросить признания у той страны, которая на этот момент будет обладать наибольшей политической волей. Наряду с конститутивной и декларативной, теория политического решения будет способная заполнить некоторые проблемы в научной базе признания государств.

Говоря о ДНР можно сказать, что все необходимые политические условия для ее признания полностью сформированы. И первой решение о признании, как показывает практика, примет РФ. Далее ее примеру последуют и другие страны постсоветского пространства, руководствуясь политической солидарностью и не желая нарушать прочные двусторонние отношения с РФ. То есть, перспективы признания ДНР весьма широки.

Список источников

1. В новом соглашении о партнерстве заинтересованы и РФ, и ЕС – В. Лихачев // РИА Новости, URL: <https://www.ria.ru/politics/20080126/97798215.html> (дата обращения: 25.02.2018);
2. Конституция Донецкой Народной Республики // Официальный сайт Народного Совета, URL: <http://www.dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya> (дата обращения: 17.03.2018)
3. Меморандум Донецкой Народной Республики «Об основах государственного строительства, политической и исторической преемственности» // Официальный сайт Народного совета Донецкой народной Республики, URL:

<http://www.dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/memorandumy> (дата обращения: 17.03.2018)

4. Провозглашение независимости Косово. Реакция и комментарии // РИА Новости, URL: http://www.ria.ru/trend/cosovo_independent_parlament_170208 (дата обращения: 05.03.2018)

5. Сухобоченков Е.С. Воссоединение Крыма с Россией как прецедент в международном праве // Причерноморье в войнах и дипломатии Российского государства: к 75-летию начала Великой Отечественной войны: сб. науч. ст. / отв. ред. А.В. Баранов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – С. 299-303

6. Сухобоченков Е.С., Медовкина Л.Ю. Признание государств, как элемент института миротворчества. Южноосетинский прецедент // Молодежь в науке: Новые аргументы [Текст]: Сборник научных работ III Международной молодежной научной конференции (Россия, г. Липецк, 28 февраля 2017 г.). Часть II / Отв. ред. А.В. Горбенко. — Липецк: Научное партнерство «Аргумент», 2017. — С.173-176

7. Сухобоченков Е.С., Медовкина Л.Ю. Признание Донецкой и Луганской Народных Республик Российской Федерацией в свете противостояния русского мира с Западом // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – Том 5: Социально- политические, исторические и философские науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – с. 277-279

8. Украина: хроника евразийского раскола, события 2014г. // ТАСС Информационное агентство России, URL: <http://www.tass.ru/ukraina/hronologiya/1554644?menu=hronologiya-2014> (дата обращения: 28.12.2016);

9. Хроника событий грузино-осетинского конфликта с 1988 по 1994 годы // РИА Новости, URL: https://ria.ru/osetia_spravki/20080811/150283008.html (дата обращения: 10.01.2018);

10. Цивинская Н. Эволюция института признания государства в международном праве // CYBERLENINKA, URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-instituta-priznaniya-gosudarstva-v-mezhdunarodnom-prave> (дата обращения: 18.03.2018)

РЕЗОЛЮЦИЯ
По итогам работы Международного круглого стола,
посвященного Дню Победы
«Право и правосознание в период вооруженных конфликтов»

Международный круглый стол, посвященный Дню Победы «Право и правосознание в период вооруженных конфликтов» состоялся 4 мая 2018 года в Донецке, ДНР.

Организаторами мероприятия выступила кафедра теории и истории государства и права юридического факультета Донецкого Национального Университета (Донецк, ДНР), при содействии Министерства образования ДНР, Министерства культуры ДНР, Донецкого республиканского краеведческого музея, Военно-исторического музея Великой Отечественной войны (г. Донецк, ДНР).

Заслушав и обсудив доклады участников международного круглого стола «Право и правосознание в период вооруженных конфликтов» участники отмечают следующее:

Признавая значимость и актуальность проблем права и правосознания в период вооруженных конфликтов участники с удовлетворением отмечают, что в канун 75 годовщины освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков сделан акцент на возрастание значения исследования уголовной политики, правовых форм выражения основных принципов трудового права и правового регулирования деятельности судебной системы Донецкой Народной Республики, правотворчества, информационной безопасности, ограничения права собственности, формирования правовой культуры, защиты прав человека в условиях вооруженных конфликтов, а также других актуальных вопросов.

Особую обеспокоенность вызывают события, влекущие массовые нарушения прав человека в условиях современных вооруженных конфликтов как международного, так и национального характера.

Сегодня в Донецкой Народной Республике происходит поступательное государственное строительство, основанное на принципах развития ведущих институтов гражданского общества, таких как свобода слова и печати, открытость деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, проведения честных выборов и др.

Исходя из итогов обсуждения участники круглого стола предлагают:

1. Считать актуальной концентрацию усилий органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций, вузовских работников Донецкой Народной Республики на ключевых проблемах совершенствования деятельности данных институтов в целях эффективной реализации защиты прав человека в условиях вооруженного конфликта.

2. Констатировать, что на современном этапе государственного строительства еще не в полном объеме реализованы базовые нормы Конституции ДНР, Закона ДНР «О нормативно-правовых актах», уголовного законодательства ДНР. Указанные обстоятельства негативно сказываются на гарантировании конституционных прав и свобод граждан Республики. Причины их сохранения обосновывают необходимость разработки и принятия в ДНР концепции уголовной политики. Исправить сложившуюся ситуацию предложено путем устранения противоречий и гармонизации уголовного законодательства.

3. Акцентировать внимание на то, что необходимой предпосылкой создания единой системы правового регулирования трудовых отношений в ДНР должно стать текстуальное закрепление принципов трудового права, смыслу и содержанию которых будут соответствовать все нормы трудового права. В проекте Трудового кодекса ДНР текстуально должны быть сформулирован и включен перечень всех основных отраслевых принципов, являющихся основополагающими руководящими положениями, отображающими направленность и сущность всего трудового законодательства.

4. Резюмировать, что судебная система Донецкой Народной Республики на сегодняшний день в целом сформирована и на должном уровне выполняет возложенные на неё функции осуществления правосудия, защиты прав и свобод граждан, юридических, физических и иных лиц. Однако законодательство Донецкой Народной Республики, как материальное, так и процессуальное, призванное в полной мере обеспечить качественную работу судов, быстроту и оперативность разрешения споров, обоснованность и законность решений, ещё до конца не сформировано. Требуют скорейшей доработки и утверждения Народным Советом Донецкой Народной Республики проекты Гражданского, Гражданского процессуального, Уголовного процессуального, Арбитражного процессуального кодексов, Кодекса об административных правонарушениях и ряда других нормативных правовых актов, центральным из которых для деятельности судов республики и урегулирования ряда важных вопросов является Закон «О судебной системе Донецкой Народной Республики». Принятие перечисленных законодательных и других нормативных правовых актов позволит судебной власти на более высоком уровне осуществлять правосудие, обеспечит дальнейшее развитие и совершенствование судебной системы Донецкой Народной Республики, что будет способствовать укреплению нашего молодого государства.

5. Активизировать правовоспитательную работу повышения правосознания и правовой культуры населения путем межвузовской координации.

6. Обобщить предложения участников круглого стола и опубликовать их.